

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ЭПИТЕТАМИ К СЛОВАМ
 ГЛАЗА И ОЧИ В СТИХОТВОРНЫХ ТЕКСТАХ ПОЭТОВ
 XIX И XX ВЕКОВ

О. В. ШУЛЬСКАЯ

Эпитет как „чрезвычайно представительный для истории поэтического языка и отдельных его стилей троп“ [Григорьев, 1979, с. 162], рассмотренный в его эволюции, дополняет и углубляет наше представление об усложнении средств художественной речи, о характере разнообразных связей, найденных поэтами в каждый исторический период.

Цель данной работы — описать круг эпитетов к широко используемым в русской поэзии XIX и XX вв. синонимам *глаза* и *очи*¹.

Наш материал включает контексты многих поэтов XIX и XX вв., а также стихотворные тексты, вошедшие в сборники „День поэзии“ за 1967—1972 гг. Приведем некоторые сокращения: И. Анненский — Ан, П. Антокольский — Ант, Н. Асеев — Ас, Б. Ахмадулина — Ахмад, А. Ахматова — Ахм, Э. Багрицкий — Багр, Е. Баратынский — Бар, К. Бятошков — Бат, Д. Бедный — Бед, А. Белый — Бел, В. Бенедиктов — Бен, А. Блок — Бл, Л. Васильева — Вас, С. Видулов — Вик, Е. Винокуров — Вин, А. Вознесенский — Воз, П. Вяземский — Вяз, С. Городецкий — Гор, А. Григорьев — Гр, Д. Давыдов — Дав, Е. Евтушенко — Евт, С. Есенин — Ес, В. Жуковский — Ж, Н. Заболоцкий — Заб, Р. Казакова — Каз, С. Кирсанов — Кирс, Н. Клюев — Кл, Ю. Кузнецов — Куз, М. Лермонтов — Л, В. Луговской — Луг, О. Мандельштам — Манд, Л. Мартынов — Март, Н. Матвеева — Матв, В. Маяковский — М, А. Межиров — Меж, Н. Некрасов — Н, Б. Пастернак — Паст, Я. Полонский — Пол, А. Пушкин — П. Д. Самойлов — Сам, М. Светлов — Св, Б. Слуцкий — Сл, А. Тарковский — Тарк, А. Твардовский — Тв, Н. Тряпкин — Тр, Ф. Тютчев — Тют, И. Уткин — Ут, Н. Ушаков — Уш, М. Цветаева — Цв, „День поэзии“ — Дп.

Круг эпитетов к словам *глаза* и *очи* уже в поэзии XIX в. был достаточно широк. Если такие способы словопреобразования, как метафора и сравнение, в этот период отражали в основном стереотипные связи данной реалии с предметами и явлениями окружающего мира [Шуль-

¹ В этом ряду учитывалось также производное слово *глазок* (*гла́зки*) и ед. ч. от лексемы *очи* — *око*.

ская, 1986], то благодаря широкому использованию эпитетов к *глазам* и *очам* устанавливались более разнообразны и „далековатые“ связи.

Поэтическое сознание эпохи всегда характеризует выбор „существенного“ признака среди несущественных [Жирмунский, 1977, с. 355]. Таким существенным признаком элегического стиля поэзии первой трети XIX в. был „типический, идеальный признак предмета“ [Жирмунский, 1977, с. 358].

В рассмотренных нами стихотворных текстах XIX в. к слову *глаз* (а) мы отмечаем эмоциональные эпитеты, которые существуют в поэтической речи этого времени как заданные и общеобязательные, характеризующиеся заранее привнесением в слово поэтическим смыслом: П – *томные* (3)², *нежные*, *прелестные*, *скорбные*; Вяз – *младые*; Л – *божественные*, *милые*, *младые*, *нежные*, *пленительные*, *прелестные*, *печальные*, *чудные*; Тют – *туманные*; Бен – *томные* (2), *грустные*, *искженные*, *сумрачные*; Фет – *загадочные*; Гр – *прелестные*; Пол – *чудесные*; Н – *печальный*.

Вот перечень эмоциональных эпитетов к слову *очи*: Ж – *благостные*, *грустные*, *задумчивые*, *прискорбны*, *томны*, *туманные*; Бат – *обворожены*, *пламенные*, *прелестны*; Бар – *задумчивые*, *пылающие*; П – *томны* (9)³, *пленительные* (2), *милые*, *нежные*, *прелестные*, *робки*, *скорбны*, *скорбныс*, *сонны*, *сладолюбивые*, *умиленные*, *чудные*; Л – *милые* (2), *пламенные* (2), *блистающие*, *грустные*, *младые*, *печальные*, *сладолюбивые*; Тют – *чудные*; Бен – *томные* (2), *задумчивые*, *застенчивые*, *нежные*, *прелестные*; Пол – *задумчивые*, *сонны*; Гр – *задумчивые*; Н – *скорбныс*, *томные*, *чудные*.

У поэтов второй половины XIX в. количество эмоциональных эпитетов к рассматриваемым словам заметно сокращается, а в поэзии XX в. круг этих прилагательных становится довольно узким. Употребление традиционно-поэтических эпитетов в стихотворных текстах поэтов XX в. представляет интерес с точки зрения их функций в каждом индивидуальном контексте или в отдельном идиостиле.

В поэтике Заболоцкого, напр., традиционно-поэтические элементы, в том числе эмоциональные эпитеты, играют особую роль. В его контекстах высокие слова, „сохраняя испытанную временем эмоциональность, должны были освободиться от наследственных смыслов; они должны были стать чистым и точным названием предмета, но только предмета

² В скобках указана частотность эпитета к рассматриваемому слову в стихотворных текстах поэта.

³ Заметим, что эпитет *томный*, являющийся „характерной приметой поэзии предромантического периода“ [Петрова, 1982, с. 136], применительно к слову *очи* в поэзии первой трети XIX в. встречается очень часто в усеченной форме, как и прилагательные *бойкий*, *сонный*, *скорбный*, *черный*, *ясный*.

прекрасного” [Гинзбург, 1982, с. 344]. Вот некоторые примеры: *Бык, беседа с природой, / Удаляется в луга, / Над прекрасными глазами / Светят белые розы; / А душа пресветлой ручкой / Машет нам издалека ... / Своими нежными глазами / Все глядит она, глядит; Река дрожит и, чуя смертный час, / Уже открыть не может томных глаз.* В последнем контексте – редкий в поэзии XX в. случай использования прилагательного *томный* в традиционно-метафорическом значении.

Покажем на некоторых примерах разнообразие функций эмоциональных эпитетов в стихотворных текстах поэтов XX в.: *Только тлела в сияние пленительных глаз / Благодарность счастливой актрисы* (Ант); *Он [Орлов] пытается в дивных очах подстеречь / Робость, хитрость, надежду* (Ант); *Торгует женщина случайными вещами, / Потертый плащ она б хотела сбить... / Она глядит прекрасными очами, / Которые нельзя не полюбить* (Вин); *А он не спит ночами, / Уставясь тяжело / Печальными очами / В морозное стекло* (Меж).

Первые два контекста – из стихотворения Антокольского „Княжна Тараканова”. Рисуя конкретную историческую личность, поэт использует традиционную экспрессию поэтизмов как определенный сигнал к восприятию текста.

В стихотворении Винокурова экспрессия эмоционального эпитета *прекрасные* выступает обнаженнее в бытовом, прозаическом контексте – ср. использование „прозаической” лексики: *торгует, потерял, сбить*.

Строки Межирова из стихотворения „Отец” наглядно демонстрируют возможности, которыми располагает поэтика индивидуального контекста. Традиционный и размытый по своей семантике эпитет *печальные* получает здесь вполне конкретное значение. Конкретность слова отчетливо выступает и благодаря употреблению разговорного *уставясь*, которое подчеркивает и в то же время оживляет привычный поэтический образ – *печальные очи*.

При сравнении эпитетов к слову *глаза* и *очи* в стихотворных текстах поэтов XIX в. обращает на себя внимание более широкий и разнообразный круг эпитетов к поэтизму *очи*, нежели к его нейтральному синониму, что связано с большей активностью использования слова *очи* в поэзии прошлого века.

Приведем здесь для сравнения достаточно полный перечень эпитетов к словам *глаза* и *очи* у Баратынского, Пушкина и Лермонтова. Бар – *глаза: впадые, коварные, мутные, непомертвелье, потухшие, черные; очи: бледно-голубые, бдительные, гневные, задумчивые, зорки, зоркие, лазоревые, лазурные, ласкающие, младенческие, орлиные, приветли-*

вые, пылающие, темно-голубые, чистые, ясные; око: верное, брызгливое, недвижимое, мутное, прилежное. П – глаза: безлые, большие, впа-
 лые, духовные, изумленные, лукавые, нежные, неподвижные, потух-
 шие, прелестные, прилежные, синие (2), скорбные, смутные, смущен-
 ные, сонные, стыдливые, темные, томные (3), узкие, умирающие, чер-
 кесские; очи: бессонные, блистательные, быстрые, внимательные, гнев-
 ные, голубые (5), горделивые, гордые, грозные, грозные, грустные
 (2), жадные, зеркальные, зоркие, коварны, кровавы, милые, небес-
 ны (2), недвижимы, нежные, неистовые, нахмуренные, обшительные,
 огромны, пынательные (2), полутверсты, потупленны, прелестные,
 пророческие, робки, скорбны (2), светлы, светлые, скорбные, сладо-
 страстные, смутные, сонны, страждущие, суровые, томны (9), темны,
 темноощие, тяжелые, умиленные, черные, чудесные, чудные, ясны (2),
 ясные; око: болезненно-отверстое, недвижимое, полуденное, пугливое,
 опытное, смятенное, П глаз(а): большие (3), божественные (2),
 бездушные, быстрые, волшебные (3), внимательный, всевидящий,
 говорливы, голубые, живые (2), жадные, зеленые, лазурные, лазурно-
 голубые, мылые (2), младые, молодецкие, мутные, недвижимые, нежные,
 окрашенные, опухшие, прелестные (2), побелевшие (2), печальные,
 пынательные, полмеркшие, прекрасные, прилежные, прозрачны, светлые,
 сини, темно-синие, тусклые, черные (8), чудные (2), чужие, яркие;
 очи: ангельские, большие (2), безумные, блистающие, бойки, бойкие,
 голубые (6), грустные, живые (2), злые, злоеющие, зоркие, мылые (2),
 мертвые, младые, мутные, неземные (2), наблюдательные, обманутые
 (2), пламенные (2), пасмурные, печальные, пронзительные, радостные,
 северные, синие, сладостные, слезные, смущенные, соколиные, старые,
 строгие, суровые, темные (2), открытые, уяснувшие, черные (3),
 черны, ясные; око: блестящее, голубое, живое, зелено-серееющее, пла-
 менное, презрительное, прилежное, пугливое.

Некрасовские эпитеты к рассматриваемым словам в основном тра-
 диционны. На этом фоне можно отметить лишь некоторые употребле-
 ния: *благенные глаза, глаза сурово-нежны*, а также „непозитический”
 эпитет *бесстыжие* (3). Такой, казалось бы, обычный эпитет к слову
глаза и *очи*, как *красивые*, не включенный и в „Словарь эпитетов рус-
 ского литературного языка” К. С. Горбачевича и Е. П. Хабло (Л., 1979),
 встречается в нашем материале только у Некрасова и Слуцкого:
*В о ч и твои голубые, к р а с и в ы е / Нагло глядят торгаши не-
 приветные (Н): Сколько платят поэтам... / А за что? / А за вредность
 профессии. За / к р а с и в ы е наши г л а з а, / что годам к тридцати
 потухают (О1).*

Если эпитеты к словам *глаза* и *очи* почти не привлекают внимание
 Тютчева, то эпитеты Бенедиктова представляют несомненный интерес.

Помимо обилия эмоциональных и „денство-романтических эпитетов“ [Виноградов, 1941, с. 188], напр., *дикие глаза*, у Бенедиктова мы находим и неожиданные для поэзии XIX в. эпитеты, употребление которых вполне соотносится с особенностями его поэтики, отмеченной эклектизмом, своеобразной „футуристичностью“ (Гинзбург, 1982, с. 134). Вот некоторые эпитеты Бенедиктова, демонстрирующие первый опыт преодоления устойчивого словаря: *глаза – нечистые, свицковые, серебряные глазки; очи – адски-черные, габельные, грешные, зажигательные, каменные, несметные, траурные, огнестрельные, царски, цветные, язвительные*. Уже этот набор эпитетов ставит под сомнение утверждение критики о том, что „новаторство Бенедиктова в области лексической сводилось к созданию различного рода неологизмов и не претендовало на реформу традиционного поэтического эпитета...“ [Прийма, 1983, с. 20]. Заметим здесь, что различные оценки творчества Бенедиктова еще раз подтверждают то важное положение, „что без разработанной истории поэтического языка история поэзии предстает лишенной важнейшего качества ее, поэзии, эстетического развития и бытования“ [Григорьев, 1983, с. 18].

Бенедиктов предвосхитил появление некоторых эпитетов в поэзии XX в.; так, у Заболоцкого мы находим эпитетную конструкцию *траурные глаза*, у Тарковского – *нечистые глаза*, у Казаковой – *несметные глаза*, у Антокольского – *каменное око*, причем у последнего речь идет о каменном оке кариатиды, в то время как у Бенедиктова *каменный* употребляется применительно к глазам человека: *Я таю под огнем пронзительных созвучий; Все глубже ноет грудь, и сердцу горящей, И просится слеза из каменных очей*.

У Бенедиктова мы отмечаем и расширение цветовой гаммы, а также конкретизацию цветового признака. Черным и голубым глазам (очам) он посвящает не одно стихотворение. Прием антитезы – противопоставление голубых, лазурных и черных глаз – используется поэтом в стихотворении „Черные очи“: *Прочь, с лазурными глазами Дева-ангел. / Ярче дня / Ты блестяшь, но у меня / Ангел с черными очами*. Заметим, что *глаза* и *очи* употребляются здесь без акцента на их стилистические качества. Эклектизм Бенедиктова проявляется и в таких сочетаниях, как: *Прихотливо поднялась, Прихотливо подлетела / К паре черненьких очей* „один из бесчисленных“ у Бенедиктова примеров паразитивной лексической какофонии“ [Гинзбург, 1982, с. 133].

Что касается цветowych эпитетов, то в поэзии XIX в. они выполняли в основном ту же функцию, что и украшающие эпитеты. Цветовая гамма применительно к описываемой реалии в поэзии прошлого века сравнительно небогата. Вот перечень цветowych эпитетов, встретившихся в на-

шем материале (кроме эпитетов голубые и черные, отмеченных почти у всех поэтов): глаза – лазурные (Вяз, Бен, Л), лазурно-голубые (Л), небесно-голубые (Бен), синие (П, Л, Н), темно-синие (Л), светлые (Бен, Л), темные (П), побелевшие (Л), зеленые (Л), кровавые (Ж), серые (Н), серенькие (Гр), свинцовые (Бен), агатовые (Фет), золотые (Пол), карие (Н); очи – небесные (П), небесно-голубые (Бен), лазурные (Бар, Бен), лазоревые (Бат, Бар), темно-голубые (Бар), бледно-голубые (Бар), яркие (Ж), синие (Бен, Л), серые (Бен, Гр), темные (Ж, П, Л, Пол), темнеющие (П), кровавые (П), бесцветные (Фет), карие (Бен), адски-черные (Бен), цветные (Бен).

По мере того как возрастала в поэзии роль индивидуального контекста, возрастала и индивидуальность, конкретность слова. Стремление осознать реалию в ее конкретности отчетливо проявилось в употреблении цветowych эпитетов в поэзии XX в. Так, у Есенина с его пристрастием к синему цвету, цвету васильков, небу, озеру вполне эпитеты голубые, васильковые, синие к слову глаза называют вполне конкретный цвет⁴: *Голубая кофта. / Синие глаза. / Никакой я правды милой не сказал; По глазам голубым [мужика] / Славлю Красное Лето; / Чтoб с глазами она в васильковыми / Только мне / – Не кому-нибудь... / Успокоила сердце и грусть.*

Ср. также контексты Цветаевой, Ахматовой, где цветовой признак в эпитетной конструкции конкретизирован: *Была бы бабою простой / – Всегда б платили за постой / – Все эти же – веселые – / Зеленые глаза (Цв); Иволги кричат в широких кленах, / Их ничем до ночи не унять. / Любо мне от глаз твоих зеленых / Ос веселых отходить (Ахм).*

Наряду с тенденцией к конкретизации слова в поэзии начала XX в. прослеживается и процесс повышенной ассоциативности слова, что ведет к усилению символического начала в цветowych прилагательных во многих предметных сочетаниях. „Это характерно, например, для Блока... Символическое, накладываясь на реальный конкретный цвет, в большей или меньшей степени вытесняет его” [Грановская, Коженикова, 1975, с. 15]. Символика здесь чаще всего проявляется через контекст всего произведения. См., напр., строки из стихотворения Блока „Вот Он – Христос – в цепях и розах”: *И не постигнешь с него Ока, / Пока не станешь сам как стезя; и из стихотворения „Заклиание”:* *Юноша в белом – высоко / Стал на горе и трубит. / Вспыхнуло синее око.*

⁴ Отдельные примеры, отмеченные употреблением не условного, а реально существующего цвета, мы обнаруживаем и в поэзии XIX в. См., напр.: *На светские цепи, / На блеск упоительный тела. / Цветущие степи / Украины она променяла... / Прозрачны и сини, / Как небо тех стран ее глазки (Л); Цвет глаза твоих так сер, / Как небо Петербурга (Гр).*

См. также символическое употребление прилагательного *желтый* у А. Белого: *Покойники, восстав крестами, / Кресты, как руки ввысь подъяв, / Моргают желтыми очами; Жестокие желтые очи / Безумных твоих кабанов; Огонь жестоких, желтых глаз.*

На традиционной символике голубого цвета построено стихотворение Ю. Кузнецова „Много было мужчин с голубыми глазами“. Уже факт включения сочетания *голубые глаза* в название стихотворения значим сам по себе. Символика голубого цвета подчеркивается в тексте не только традиционным мотивом утраты яркости цвета, но и путем реализации традиционной экспрессии поэтизма *очи* в сопоставлении с его нейтральным вариантом: *Много было мужчин с голубыми глазами... / Где они? / Под какими искать небесами?... / Одного я запомнил – пустыми словами / Стал смущать свою волю: Россия, прости! / Уходя, поглядел голубыми глазами / На дощатый порог, и пропал без пути. / Голубые глаза пожелтели от пыли. / Режет звуком изломанным русская речь. / Он вернулся... Вот и дом. / Занавески в окне заблестели. / На крыльце не подсолнух, а мальчик стоит... / Не гони его, мальчик, когда тебе в очи / В щель забора он дико таращит глаза.*

Наиболее распространенные сочетания *синие глаза(очи)* и *голубые глаза(очи)* легко переходят в разряд формульных, напр.: *Из голубых, из ясных глаз / Тепло струят лучи (Яшин); Я однажды представил себя вне земли... / Голубые бездонные очи твои / Я пронес через все небеса (А. Никифоров, Дп, 70).*

На фоне множества таких примеров интересны случаи, когда формульность и традиционная символика этих сочетаний преодолевается благодаря различным художественным приемам, как напр., в контексте Слуцкого, где эпитет *сверхреальные* к слову *глаза* вносит новый акцент в восприятие привычного образа: *Мартинов шурит синие, честные, / Сверхреальные свои глаза.*

В строках Кирсанова – *Я брожу по городу в грусти и слезах / о голубых, голубых, голубых глазах.. / И я, повесив голову, плачу по ночам / по голубым, голубым, голубым очам* – из стихотворения „Русская песня“, где налицо фольклорная стилизация, используются ненормативные ударения в прилагательном *голубые* по аналогии с диалектным ударением в слове *зеленые* – см. в том же стихотворении: *Волком недострелянным рыщу наугад / по зеленым, зеленым, зеленым лугам.*

В стихотворных текстах XX в. цветовая гамма, связанная с описываемой реальей, значительно обогащается. Помимо названных цветовых эпитетов, встречающихся в поэзии XIX в., сюда входят следующие: *глаз(а) – гиперборейско-голубой (Март), бирюзовые (Бел), ясно-*

синие (Вин), *серо-голубые* (Меж), *синие-синие* (Март), *сине-зеленые* (Март), *васильковые* (Кл, Ес), *сизые* (Куз), *изумрудные* (Воз), *серые* (Ахм, Багр, Гор, Св, Ошанин, Воз, Луг), *светло-серые* (Вас), *карие* (Ас, Манд, Бл, Цв, Меж, Евт), *агатовые* (Цв), *каурый* (Кл), *золотистый* (Бл), *медовые* (Багр, Каз), *рыжие* (Бл, Вин, Костров), *красные* (Март, Ант, Бел), *пестрые* (Гор), *темные-темные* (Св, Гор), *седые* (Гор)⁵, *лунные* (Ахм), *лиловые* (Паст, Кирс, Воз), *огненный* (М), *желтые* (Бел, Ув, Ахмад, Вас), *молочные* (Заб), *рубиновые* (Вин), *бледные* (Вин), *бесцветные* (Бл), *оловянные* (Март, Ант), *белые* (Ант, Тарк), *багровый* (Воз), *самоцветный* (Ахмад), *белесые* (Тр), *полночные* (Чуев).

У слова *очи* цветовая гамма значительно беднее: *васильковые* (Ахм), *синие* (Бл, Воз), *зеленые* (Бл, Ахм), *золотые* (Сам), *седые* (Луг), *белые* (Матв), *зеленолунные* (Матв), *желтые* (Бел), *темные* (Бл), *тусклые* (Бл), *карие* (Цв).

Разнообразие функций одного и того же цветового эпитета мы можем наблюдать в следующих контекстах: *Беспорно, беспорно смешон твой резон, / что в грёзу лиловы глаза и газоны* (Паст); *Опять, опять задышало / прощальными морозами... / и не можем мы / не влипать / в паутину лиловых глаз* (Кирс); *Оливковый Пабло с глазами и лиловыми, / единственный певчий среди титулованных* (Воз). В первом случае эпитет *лиловые*, обозначая цвет, включается в соположение, усиленное паронимией (*гроза – глаза – газоны*). В контексте Кирсанова цветовое значение прилагательного *лиловый* осложняется дополнительными смыслами, возникающими у него в генитивной конструкции *паутина лиловых глаз*. В строках Вознесенского прилагательное *лиловые*, соотносённое с эпитетом *оливковый* (ср. с им. *оливковая ветвь*), обозначает не только цвет. Круг ассоциаций, среди которых культурно-исторические доминируют, даёт широкую гамму значений и сочетанию *лиловые глаза*.

По богатству цветовой гаммы, отраженной в эпитетной конструкции с рассматриваемыми словами, можно выделить творчество Мартынова, Городецкого, Антокольского, Вознесенского, Васильевой. Наименьшее

⁵ В „Словарь эпитетов русского литературного языка“ прилагательное *седой* к слову *глаза* включено в раздел редких эпитетов, в то же время в цветové входят прилагательные *цыганские*, в эпитет *славянские* попадает в раздел редких. Эпитеты *темно-голубые* и *сладостные* (к слову *очи*) отнесены к редким эпитетам, хотя эти традиционно-поэтические прилагательные широко использовались в поэзии XIX в. Отмечая недостаточно четкие критерии распределения эпитетов в названии словаря, мы присоединяемся к мнению В. В. Краснянского о том, что „более корректным было бы распределение эпитетов на обычные, встречающиеся как в художественной речи, так и в других разновидностях литературного языка, и необычные, встречающиеся только в художественных текстах“ [Краснянский, 1983, с. 248].

внимание цветовые эпитеты получают в поэзии Анненского, Пастернака, Д. Бедного, Слуцкого, Тарковского.

Стремление поэзии XX в. к повышенной ассоциативности слова вызывало появление эпитетных конструкций, в которых устанавливались далековатые связи описываемой реалии. Отметим разнообразие метафорических эпитетов к слову *глаза(а)*: *электрические* (М), *крылатые* (Бл), *звездные* (Бл), *музыкальные* (Св), *неутоленные* (Ахм), *последние* (Цв, М), *асфальтовый* (Матв), *неизбежные* (Ан, Бл, Ахм), *трупный* (Кирс), *утренний* (Кирс), *медленные* (Багр), *преувеличенные* (Ас), *загробные* (Тарк), *тенистые* (Сам), *лесные* (Жаз), *стремительные* (Сл, Куз), *горькие* (Сл, Вас, Тушнова), *любовные* (Хлебников), *драгоценные* (Уш); *очи*: *крылатые* (Бл), *звездные* (Бл, Ант), *мраморные* (Ант), *земляные* (Кирс).

В приведенном списке только два прилагательных – *электрические* и *асфальтовый* – связаны с новыми реалиями. Остальные эпитеты отражают вновь найденные поэтами связи глаза в окружающем мире.

Эпитетная конструкция наряду с другими способами словообразования демонстрирует стремление поэтов XX в. к овеществлению рассматриваемой реалии. Эпитет к слову *глаза* чаще всего усиливает сему „вещественное“, „предметное“ в метафоре и сравнении. Вот некоторые примеры: *Иль от ветру глаза ваши [эстонок] пухлы, / Точно почки берез на могилах* (Ан); *Только, друг мой, / Убери туман / От моих заиндевших глаз* (Св).

Особенно интересны в этом отношении некоторые эпитеты к слову *глаз(а)* у Маяковского: *отяжелевший, наслезненные, едящие, разодранный, раздобревшие, растопыренный, куцый*. В контекстах поэта эти прилагательные акцентируют в слове *глаза* признаки, свойственные другим частям тела: *Из тины не вытянуться отяжелевшему глазу; Вырызлись в букву едящие глаза, – / ах, как букву жалко!; Уйду я, / солнце моноклем / вставляю в широко растопыренный глаз*.

В поэзии XX в. эпитет, как и другие тропы, „несет на себе отсвет исторического опыта своего времени, его психологических и социальных ситуаций“ [Подгаецкая, 1980, с. 59]. В экспресsemу *глаза* и *очи* входит ранее не акцентируемый смысл – у данной реалии появляются характеристики, связанные с отношением к лицу, месту, социальному статусу, общественной группировке, времени. Здесь мы приводим еще один довольно обширный список эпитетов, представляющих интерес с точки зрения широты охвата различных денотативных сфер⁶: *людские* (Бл), *крестьянские* (Цв), *отроческие* (Цв), *старчески-ребячьи* (Март), *челове-*

⁶ В поэзии XIX в. встречается несколько прилагательных данной группы, выступающих эпитетами к словам *глаза* и *очи*: *дворянские глаза* (Вяз), *черкесские глаза* (Л), *младенческие очи* (Бвр), *царски очи* (Бен).

ческие (Цв, Вас), *человечьи* (Заб), *юношеские* (Кирс), *капиталистовые* (М), *докторский* (Паст), *хозяйские* (Манд, М), *рабочие* (Ас), *председательские* (Сл), *всесветные* (Ас), *мужичий* (Бед), *товарищеские* (Кирс), *декабристские* (И. Волгин, Дп, 70), *золушкины* (Евт), *дарьяльские* (Ахм), *рязанские* (Евт), *врубелевские* (Каз), *рублевские* (Каз), *русские* (Каз), *славянские* (Гор, Вик), *венецианские* (Воз), *византийские* (Воз), *цыганские* (М. Соболев, Дп, 69), *корсиканский* (Кирс), *весенние* (М), *позавчерашние* (Вас); *очи*: *татарские* (Бл), *девичьи* (Ес), *чертовы* (Луг), *детские* (Евт), *новгородские* (Вас), *русские* (Тарк), *египетские* (Тарк), *персидские* (Цв), *дружеские* (Ахм), *изгородские* (М); *око*: *монаршьи* (Ант), *ребяческое* (Ес), *охотничьи* (Уш), *вражьи* (Тв).

Безусловно, употребление таких эпитетов, как *капиталистовые*, *председательские*, *рабочие*, могло быть вызвано только новой социальной действительностью. Большинство же из приведенных эпитетов обнаруживает вновь найденные связи описываемой реалии. Социальная характеристика в данном случае отражает поэтическое сознание нашего времени – это тот процесс, о котором говорил еще А. Н. Веселовский, утверждая, что «история эпитета есть история поэтического стиля в сокращенном издании... И не только стиля, но и поэтического сознания от его физиологических начал и их выражений в слове до их закрепощения в ряды формул, наполняющихся содержанием определенных общественных мирозерцаний» [Веселовский, 1940, с. 73].

Проанализируем несколько контекстов, в которых употребляются эпитеты из приведенного списка: *Спичка встпхнула, задрожала, / Озяря лицо председателя: шрамы, стимулы, тормоза / И глядящие наблюдательно / Председательские глаза* (Сл); *Мальчишки с декабристскими глазами, / с таким запретным выраженьем лиц!* (И. Волгин, Дп, 70); *...подошли бы сюда лебеда и полынь / и к рязанским глазам – васильковая синь* (Евт), *а глаза [архитектора] – / они венецианские, я бы сказал* (Воз). В первом и втором примерах детали в описании лица как бы расширяют те смыслы, которые присутствуют в сочетаниях *председательские глаза*, *декабристские глаза*. В третьем и четвертом примерах используются прилагательные, указывающие на отношение к месту (*рязанские*, *венецианские*). Но если в стихотворении Евтушенко, посвященном Есенину, сочетание *рязанские глаза* имеет вполне конкретное наполнение, о чем говорит и «цветовая тема» – *васильковая синь*, то в контексте Вознесенского ассоциации более сложные – они, несомненно, включены в культурно-исторический контекст.

В заключение отметим, что все расширяющийся круг эпитетов к слову *глаза* (и в меньшей степени – *очи*), многообразие художественных функций эпитетов в каждом индивидуальном контексте дает основание

говорить о далеко еще не исчерпанных возможностях этого тропа. Исследование эволюции эпитета к словам различных тематических полей позволит в дальнейшем проследить тенденции в развитии эпитетных конструкций, обнаруживающих расширение по многим денотативным сферам.

A PARTIR D'OBSERVATION SUR LES ÉPITHÈTES DU MOT YEUX DANS LES TEXTES EN VERS DES POÈTES DU XIX ET XX SIÈCLES

O. Shoulskaia

Résumé

Dans cet ouvrage l'évolution de la construction d'épithète portant sur le mot *yeux* est traitée. L'analyse du matériel permet parler non seulement de la sphère étendue des épithètes mais de la multiplicité des fonctions littéraires de ce trope dans la poésie du XX-ème siècle aussi.

ЛИТЕРАТУРА

- Веселовский, 1940 – Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л.: Гослитиздат, 1940.
- Виноградов, 1941 – Виноградов В. В. Стиль Пушкина. М., 1941.
- Гинзбург, 1982 – Гинзбург Л. Я. О старом и новом. Л.: Сов. писатель, 1982.
- Горбачевич, Хабло, 1979 – Горбачевич К. С., Хабло Е. П. Словарь эпитетов русского литературного языка. Л.: Наука, 1979.
- Грановская, Кожевникова, 1975 – Грановская Л. М., Кожевникова Н. А. Из истории цветообозначений в художественной речи XIX–XX вв. // Уч. зап. Азерб. пед. ин-та русского языка и литературы им. М. Ф. Ахундова. Баку, 1975.
- Григорьев, 1979 – Григорьев В. П. Поэтика слова. М.: Наука, 1979.
- Григорьев, 1983 – Григорьев В. П. Грамматика идностиля. В. Хлебников. М.: Наука, 1983.
- Жирмунский, 1977 – Жирмунский В. М. К вопросу об эпитете // Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л.: Наука, 1977.
- Краснянский, 1983 – Краснянский В. В. Повторяющиеся образные сочетания в художественной речи (эпитет И. А. Бунина) // Проблемы структурной лингвистики. 1981. М.: Наука, 1983.
- Петрова, 1982 – Петрова Э. М. Эпитеты в лирике В. В. Капниста // Литературный язык XVIII века. Проблемы стилистики. Л.: Наука, 1982.
- Подгаецкая, 1980 – Подгаецкая И. Ю. Историзм лирики // Вопр. лит-ры. 1980, № 12.
- Прийма, 1983 – Прийма Ф. Я. Вступительная статья к изд.: Бенедиктов В. Г. Стихотворения / БП. Л.: Сов. писатель, 1983.
- Шульская, 1986 – Шульская О. В. Глаза и очи в русской поэзии XX века // Проблемы структурной лингвистики, 1983. М.: Наука, 1986.

Вильнюсский государственный
университет
Кафедра русского языка

Январь 1989